

18+

**АЛИСА СПАРРОУ
КРАСНАЯ ЛИСИЦА**

Алиса Спарроу

Красная лисица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55514105

SelfPub; 2020

Аннотация

Умеют ли феири гипнотизировать одним лишь взглядом? Почему благовоспитанные барышни вздыхают по вервольфам? В чьих руках плеть становится удовольствием? И как из викторианской леди сделать ассасина. Об этом и о приключениях Мардж Редфокс в мире альтернативной Викторианской Англии, мире боли, наслаждения и смертельно опасных приключений. Первая часть тёмного стимпанк фэнтези в стиле БДСМ.

Содержание

Глава 1. Палач и волк.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Глава 1. Палач и волк.

«Вообще- то маркиз де Сад не слишком разбирался в извращениях.

Он был теоретиком. Когда дело доходит до извращений, то на страницах книг я управляюсь с ними куда лучше, чем он».

Адам Тёрквелл.

Иногда самые простые и, казалось бы, надоевшие вещи оказываются самой точной истиной. Ведь свет действительно не может существовать без тьмы, добро без зла – иначе как мерить? – а боль без удовольствия. Иногда. Хотя я не уверена.

– Мисс, вы бы окошко то закрыли, – проскрипел неприятный толстомордый господин в засаленном жилете – а то и ветер, и дорога, знаете ли, не ладаном пахнет.

Жидкая, жирная дорожная грязь и правда летела из-под колёс, и брызги иногда попадали в окно, отражающее уныло освещенные вересковые пустоши, по которым мчался дилижанс. Но, надо сказать, и господин не пах ладаном. Ненавижу общественные паровые дилижансы: гарь, тряска и неприятные попутчики. Но дядюшка не посчитал нужным выслать паромобиль за бедной родственницей, едущей за хлеб и кров воспитывать его детей.

– А вы, мисс, одна путешествуете? – задал очевидный вопрос жирный господин, и глазки его стали жирными и маслянистыми, как он сам. Дилижанс едва заметно качнуло, и толстяк тут же «упал», не забыв заде́т рукой моё колено. Я привыкла ко вниманию мужчин, хотя порой оно выходит мне боком. Разговоры о политике в колониях, скаковых лошадях, светские сплетни как господин Н, застал некую А в объятиях офицера Р, а у самих взгляд мерзкий, как будто ошупывающий тебя со всех сторон...

Какие радужные мечты населяли мою бедную головку, когда я вышла из пансиона много лет назад, самостоятельной, совершеннолетней и свободной, как мне тогда казалось. Как я хотела работать с детьми и сеять в их душах разумное, доброе вечное. И как быстро мои мечты дали трещину, как полный воды стакан на морозе. Я вспомнила слова Элоизы: «Ты не можешь заставить их всех стать лучше, чем они есть, но заставь их уважать тебя. Никогда – слышишь – никогда, – она наклонялась ко мне и взгляд её голубых глаз, обычно таких ласковых, отливал сталью, – не позволяй им делать из тебя идиотку».

Когда работаешь гувернанткой, знаете ли, редкий наниматель не попытается зажать тебя в углу. Все эти управляющие, стряпчие, офицеры, дворяне – весь этот «свет и гордость» нашей империи – все они сливаются в моей памяти в одну безликую, ничем не примечательную массу, уверенную в своём величии и вседозволенности. К счастью, у меня

острые колени и отличный револьвер, доставшийся от отца. Поэтому я обычно не служу больше двух месяцев на одном месте. Но никогда не позволяю делать из себя беспомощную идиотку.

Вот она, старая, добропорядочная Британия. За ухоженными палисадниками и белыми стенами коттеджей джентльмены стегут розгами горничных, а леди взирают на все это с любопытством и, может быть, даже тоской. Что их так не наказывают. А есть за что.

– ...Слышал, что уже больше пяти леди и все не какие-то там уличные или торговки, как раньше бывало... – тут я поняла, что мой неприятный попутчик давно и с жаром мне что-то рассказывает. – Он убивает знатных леди из богатых семей. Последняя мисс Кридж, дочка скотопромышленника, члена Палаты общин. Тело нашёл владелец баржи, его сбросили в Аарен, и рыбы уже начали объедать лицо – так в газетах писали. Еще писали, что на теле леди, такое добропорядочному человеку и не выговорить, нашли следы плети, длинные синие полосы. Или это когти были.

В газетах любят смаковать чужие смерти, я называю это пляской на костях, и последнее время газетчикам было, на чём заработать. Последние несколько месяцев в столице орудовал убийца молодых женщин. Причём не каких-то – об обычных проститутках и шум бы не стали поднимать. Убийца был разборчив – его жертвами становились жёны и отпрыски состоятельных и даже знатных семейств. Газеты сма-

куют подробности, а такие как этот – я подняла глаза на толстяка – только рады им вторить. При такой «славе и признании» убийца вряд ли скоро остановится – ведь именно это ему и нужно. Разве не так?

Вечерело. Кучер зажег газовые фонари по бокам дилижанса, и отблески их причудливо отбрасывали тени на дорогу, мои руки и колени. Толстяк замолк. Я попыталась заснуть.

Неожиданно экипаж резко затормозил. Меня чуть не отбросило вперёд на неприятного господина, который вряд ли был бы уже этому рад: судя по лицу, бедняга был близок к панике.

– Леди и джентльмены, без паники, это ограбление! – услышала я громкий, издевательски вежливый голос.

– Так-так. Что тут у нас? – За дверьми дилижанса послышался выстрел, и как будто мешок упал на землю, а в открытую дверь заглянул какой-то человек. Я судорожно сжала в сумочке рукоятку своего револьвера.

– Тут, похоже, есть что отвезти хозяину, – он повернулся, обращаясь к кому-то снаружи.

«Что отвезти? – подумала я – ни у меня, ни у моего испуганного спутника ничего ценного не было – только дорожные саквояжи – выглядят не очень внушительно».

– А это? – второе лицо показалось в проёме кареты, рука указала на толстого господина напротив.

– А это нам за ненадобностью, – сказал первый, как о

ненужной вещи, и вдруг снова выстрел. Резко запахло порохом. Бедный толстяк негромко булькнул, и на шее, затем на груди у него расплзлось алое пятно.

«Отвезти хозяину – это меня», – мелькнула мысль, и уютный спасительный обморок вдруг затуманил мою голову.

Не знаю, сколько времени я была без памяти. Я смутно помню, как меня перекинули через седло лошади, мои запястья и лодыжки крепко стянули ремнём, как будто я могла куда-то убежать. Потом помню ощущения – гладкость и холод простыней, запах... кажется сандала, поразительный, чувственный, одурманивающий. Меня принесли в какое-то помещение и положили на кровать. Казалось сотни ловких рук, как легкие крылья, едва касаясь кожи, раздели меня. Голоса...

– Отличное приобретение, – сказал кто-то, – дайте ей выпить лауданум, она в шоке. Потом тишина. Потом не помню.

Проснулась я как после крепкого здорового сна, а не глубокого обморока, когда за окном уже светало. Я действительно находилась в комнате с высоким стрельчатым окном в забытом, средневековом стиле. Бледный неуверенный дневной свет открыл моим глазам мебель красного дерева, зеркало в массивной раме, туалетный стол с букетом белых ирисов на нем. Дикая, невозможная редкость в это время года в Британии. Впрочем, эта необычность отчасти объяснялась гербом в виде все того же ириса или флорентийской лилии, тоже

выполненным из красного дерева, который висел над кроватью. “Venus impera sempre” – гласил девиз.

В целом, обстановка комнаты была под стать первому, что я увидела – окну. Очень средневеково и, в наш просвещённый век королевы Виктории, старомодно. Разве что аппарат Белла на стене вносил в эту картину неожиданно современные нотки. Я сняла слуховую трубку – аппарат, конечно же, не работал.

Хотя мне нравилась эпоха Средневековья. Сильный побеждает слабого без особых расшаркиваний и этикета. Современный этикет – лишь красивая оболочка все того же звериного желания победить.

Кстати о зверях. Я вдруг вспомнила, что накануне хозяйка небольшой придорожной гостиницы долго мне рассказывала о замке в окрестностях, «чей хозяин – нечистый оборотень и таскает ночью детей из колыбелей». Душевная такая женщина, только пила чересчур много портвейна.

До сих пор в отдалённых и колониях графствах Империи сохранилась неприязнь к оборотням и суеверия, связанные с ними. Хотя в больших городах эта раса имеет все права подданных ее Величества. Учитывая, что вервольфы не знают страха, кичатся своей родовой честью и всегда верны присяге, если ее уж приняли, то в пограничных городах, где требуются наёмные офицеры, они встречаются чаще всех семи рас. Но если вервольф не присягал никому, кроме себя и своего рода, то нет опаснее противника – все это знают.

Лично я не испытываю романтических настроений, связанных с красивыми эполетами, древними легендами и яркой луной, присущей некоторым барышням. Для меня вервольф – все же немного зверь.

Я зябко поёжилась и только в эту минуту осознала, что практически раздета. На мне был только жёсткий корсет под грудь, косточки которого пребольно впивались в тело. А ещё – я подошла к зеркалу – на шее кольцо, что-то наподобие ошейника для комнатных собак, инкрустированного каким-то тёмным камнем, кажется агатом. На колье за оба конца крепилась изящная серебряная цепь.

Ни белья – я оглядела комнату – ни одежды. Жаль, мне нравилось и мое синее муслиновое платье и кожаная перевязь, и корсет. Я одёрнула себя, что думаю о таких, в сущности, пустяках в такой момент, когда любая другая уже билась бы в истерике. Хотя, поразмыслив, я пришла к выводу, что первое все же предпочтительней. Может быть я просто крепче многих барышень и не так впечатлительна, жизнь научила.

Мои выющиеся волосы цвета красной медной проволоки были уложены в высокую причёску и, не смотря на странность костюма, а может и благодаря ему, выглядела я весьма...хм...величественно что ли. Я, как любая девица, всё же немного завидовала голубоглазым блондинкам и всегда восхищалась Элоизой с её нордической красотой и почти прозрачной кожей. Мне всегда было странно, что я со своими

веснушками, глазами цвета меди с золотыми вкраплениями и ярко-рыжими, почти красными волосами так отличаюсь от родной сестры. Разными были и наши фигуры – её утончённая красота, узкие запястья и лодыжки резко контрастировала с моими широкими бёдрами, высокой грудью и ростом чуть ниже среднего. Но она была моей сестрой, я всегда любила её. До конца. Она была единственным близким мне человеком. А теперь... Теперь я сама за себя.

Как только я отвлеклась от себя и своего двусмысленного положения, внимание моё привлекли ужасные по своей сути звуки – хлыст и крики. Я выглянула в окно в недоумении. Оно выходило в глухой, мощный булыжником замковый двор – колодец. Теперь я точно не сомневалась, что это не поместье, а весьма старинный замок. Посреди этого романтического двора с его увитыми плющом стенами, стояла странная конструкция. Сваренный металлический столб с перпендикулярной планкой. Верхняя планка была высокой и короткой. У столба я с ужасом увидела обнажённую девушку. Ей руки были высоко закинута и привязаны к верхней планке, так, что она висела на них. Веревка проходила через шестерню, так чтобы девушка могла двигать руками и не терять равновесия. Ноги ее тоже были плотно стянуты широким ремнём.

Я посмотрела на свои запястья и лодыжки – ни синяков, ни ссадин, ни следов верёвки – меня тоже связывали, но – как мило – это тоже были ремни, не портящие кожу и не

причиняющие излишних страданий. Хотя где грань между необходимым и излишним?

Около столба стоял мужчина в черном. Лица его я не видела – на нём был капюшон, как у палача. Он недлинным хлыстом, которым обычно пользуются наездники, коротко и хлёстко наносил по спине, ногам и ягодицам девушки удары. Девушка болезненно всхлипывала. Хлыст оставлял на коже девушки красные следы, но я знала, что широкий хлыст для наездников из нежесткой кожи, никогда не рассечёт до крови, по крайней мере, шкуру животного. А здесь – нежная кожа, жесткие удары... Зачем?

Я была уверена, что не произносила вопроса вслух, однако ответ явственно услышала за своей спиной.

– Ничего особенного – просто она ослушалась, а единственная добродетель рабыни – повиноваться своему господину.

Я медленно обернулась, боясь и одновременно желая увидеть джентльмена, произнёсшего эти слова. Голос был хриплый, но бархатистый и сильный. Не в смысле слов, а в интонации я услышала власть, а еще я услышала запах зверя. Так и есть, передо мной стоял представитель расы вервольфов или ругару, как называют их во Французской республике.

На вид ему было, может, лет 30-35. Их возраст немного отстаёт от человеческого, ибо живут они дольше. Он подавлял и завораживал своим обликом – высоким, типичным для вервольфа, ростом, копной темных волос, огромными рука-

ми.

Я представила, как они касаются меня, и снова напомнила себе, что я не одета. Впрочем, одежды в комнате по-прежнему не было, а переживать и чем то скрывать свои формы в этой ситуации было бы нелепо. Посему я решила оставить этот факт без внимания. Казалось, аналогично поступил и оборотень. Он стоял передо мной и беседовал, как будто я была в полном придворном облачении.

Широкая, слишком коренастая, его фигура компенсировалась изяществом костюма. Но, ни великолепная черная с серебром куртка, ни брюки английского сукна, ни ботфорты оленьей кожи не смягчали общего впечатления. Не могли смягчить тяжелого, изучающего, разбирающего тебя на части, взгляда его черных волчьих глаз. От него как будто веяло холодом, мхом, запахом леса, а еще тем самым сандалом, манящим запахом, который отпечатался на моём подсознании.

– Вы и есть этот господин? – почему-то спросила я. Вот и всё. Ни возмущения понятием «рабыня» в наш просвещенный век, ни «какого, собственно, чёрта я здесь делаю». Только вопрос.

Но вервольф рассмеялся, хрипло и невесело.

– Да уж, мисс, ты умеешь смотреть в суть вещей. Скажем так. Я твой хозяин. Мои люди забрали тебя для меня, и теперь ты моя собственность. Это все, что тебе пока надо знать. И я не разбойник с большой дороги – у них нет чести – но

официальные власти я не уважаю. И, может, иногда мои доходы...хм...не совсем легальны, – зачем-то добавил он, хотя я не спрашивала, – но, сдаётся, ты гораздо ценнее серебряных соверенов и фамильных безделушек. Посмотрим.

– Что? – я была озадачена, – как это?

Собственность... Какая глупость. Мы что правда в Средних веках? Я хотела было возразить, но тут услышала удар хлыста во дворе, и благоразумие взяло верх, я промолчала.

– Правила жизни в моём замке тебе объяснят. А завтра для начала ты будешь прислуживать мне и моим гостям за ужином.

Я возразила-таки, что я не умею и не хочу этого делать – я не лакей и не прислуга. На что он снова рассмеялся и сказал, что в таком случае сделает так, что и умения от меня не понадобятся. По-хозяйски оцениваяюще прошёлся рукой по моим плечам, спине и бёдрам, как по полировке своей мебели красного дерева и, не сказав больше ни слова, оставил меня ошарашено смотреть ему в след.

Шокированная, я опустила на кровать. Звуки хлыста и женские крики больше не звучали со двора, однако смятение моё не уменьшалось. Вот так вот привести леди непонятно куда, вместо объяснения кинуть ей пару нелепых слов и исчезнуть. Разве это достойно мужчины? Хотя, может быть, у вервольфов своё понятие о достоинстве и чести.

Мысли мои путались. Этот странный господин, пахнущий сандалом и моим страхом, он обращался со мной, как с ве-

щью. Но, по крайней мере, он прямо об этом говорит. Разве все не поступают так же со всеми, но скрывают это за благочестивыми речами и манерами? В дверь постучались, возвращая меня в реальность, к которой я привыкла, где существуют банальные приличия и лживая вежливость.

В комнату вошла прелестная черноволосая девушка. По сравнению со мной она была даже слишком одета, как королева на приёме. На ней было длинное свободное платье-туника бордового цвета, на тонкой шее – ожерелье наподобие моего, но из кроваво-алых камней, мерцающих теплым светом. Девушка была босая. Она со мной заговорила.

Ей-де отдали приказ подготовить меня к жизни в замке, рассказать о моих обязанностях и правах. Девушку звали Айла и она поведала мне о порядках и жизни в замке. Например, о том властью здесь обладает единственный господин, которого я видела и с которым имела честь беседовать. Что рабыня, такая как я, обязана делать, а что нельзя делать никогда. Например, располагать своим временем, одеждой и предпочтениями в постели (я густо покраснела). Рабыня молчит, пока ее не спросят, и не поднимает глаз, пока ей не позволят.

Я слушала эту красивую женщину, держащуюся с таким достоинством, и не могла соотнести слово «рабыня» ни к ней, ни к себе. Я всмотрелась в ее прелестное лицо и заметила много странностей. Так и есть, Айла, несомненно была полукровной фейри. На это указывали ее острые скулы,

снежная кожа и прекрасные огромные глаза абсолютно разного цвета – один медно-желтого, второй изумрудно-зелёного.

В принципе, вступать в личные связи с представителями других рас официально запрещено, но человек слаб и среди нас много полукровок. Кто же откажется от ночи, а может быть, и романа с фейри? Говорят, что эта раса может вводить в состояние гипноза взглядом. Её величество даже вербует их на разведывательную службу. А если без тайных догадок – они действительно очень красивы. Хотя у меня в детстве возникало много вопросов по поводу полукровных существ. Например, зачем самим фейри вступать в связь с «некрасивыми» по их мнению расами? Ради власти, влияния, денег? Или как же тогда получаются полукровки дварфов? Гувернантка в детстве пребольно ударяла меня розгами по рукам и шее за такие «неприличные» вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.